

**СУДЕБНЫЙ НОРМОКОНТРОЛЬ НА ЗАЩИТЕ ПРАВ БЕЖЕНЦЕВ
(АНАЛИЗ ПРАКТИКИ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РФ
И ВЕРХОВНОГО СУДА РФ)**

Е. В. Тарибо

*Северо-Западный институт управления РАНХиГС при Президенте РФ
(г. Санкт-Петербург)*

Поступила в редакцию 12 декабря 2017 г.

Аннотация: *рассматривается проблема защиты в Российской Федерации прав беженцев, вынужденных переселенцев и лиц, получивших временное убежище или претендующих на его получение. Показано, что у разных категорий беженцев (в широком значении данного термина) юридические споры возникают по поводу разных мер социальной помощи: для кого-то первостепенное значение имеет обеспечение жильем – временным или постоянным, для других более значимы вопросы медицинской помощи, доступа детей к школьному образованию и т. д. На конкретных примерах показано как судебный нормоконтроль (в том числе конституционный) создает условия для преодоления излишне жестких нормативных предписаний и санкций (либо путем дисквалификации правовых норм, либо посредством формулирования в решениях правозащитных позиций), что в конечном итоге повышает уровень защищенности прав беженцев.*

Ключевые слова: *Конституционный Суд РФ, Верховный Суд РФ, судебный нормоконтроль, конституционное и административное судопроизводство, миграция, беженцы и вынужденные переселенцы, предоставление временного убежища.*

Abstract: *the article examines the problem of protection in the Russian Federation of the rights of refugees, forced migrants and persons who have received temporary asylum or claim to receive one through the perspective of the practice of judicial constitutional and administrative normative control. The analysis shows that different categories of refugees (in the broad sense of the term) face legal disputes concerning different measures of social assistance: for some, the priority issue is housing either temporary or permanent, for others – the issues of medical care, access of children to schooling are more important. Proceeding from concrete examples the article demonstrates how judicial normative control (including constitutional control) creates conditions for overcoming excessively stringent regulations and sanctions (either by disqualifying legal norms or by formulating legal positions on human rights issues in decisions), which ultimately raises the protection level of the refugees' rights.*

Key words: *the Constitutional Court of the Russian Federation and the Supreme Court of the Russian Federation, judicial normative control, constitutional and administrative proceedings, migration, refugees and forced migrants, granting a temporary asylum.*

Под «беженцами» в данной статье рассматриваются две категории лиц. Первая – это собственно беженцы, т. е. иностранные граждане, которые из-за обоснованных опасений стать жертвами преследований по при-

знакам национальности, вероисповедания, политических убеждений и других находятся вне страны своего обычного пребывания и не могут или не желают вернуться в нее вследствие таких опасений¹. В рамках этой категории будет рассмотрена также подкатегория иностранных граждан, покинувших место жительства в связи со сложной внутривосточной ситуацией в стране своего гражданства (в том числе из-за происходящего там вооруженного конфликта) и претендующих на предоставление временного убежища².

Вторая категория – это явление 90-х гг. прошлого века. Это так называемые вынужденные переселенцы, т. е. российские граждане, которые покинули место своего жительства в России и переехали в другую местность, в другой российский регион, поскольку были подвергнуты насилию или существовала опасность применения насилия по тем же признакам (язык, национальность и др.)³. Представляется, что второй категории граждан также важно уделить внимание в данной статье, поскольку современная Россия – это большое по территории многонациональное и многоконфессиональное федеративное государство, поэтому проблема *внутренней* вынужденной миграции может приобретать не меньшее значение, чем проблема притока беженцев из-за рубежа.

Несмотря на различия, обе категории граждан – и беженцы в узком смысле этого термина, и вынужденные переселенцы – с точки зрения защиты их прав, в том числе социальных, близко стоят друг к другу. Для обеих категорий защита социальных прав фактически осуществляется по общим направлениям. Если взять за ориентир положения Конвенции о статусе беженцев⁴, заключенной в Женеве 1951 г., то это такие направления: 1) обеспечение продуктами и пособиями; 2) жилищный вопрос; 3) образование; 4) работа. Не все нормативно-правовые акты российского законодательства, развивающие перечисленные меры по социальному попечению беженцев, становятся предметом разбора в судебной практике, а только те, вокруг которых возникают правовые споры. Об этом будет сказано далее, но вначале необходимо сказать об историческом контексте защиты прав беженцев.

¹ О беженцах : федер. закон от 28 июня 1997 г. (подп. 1 п. 1 ст. 1) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1997. № 26. Ст. 2956.

² О беженцах : федер. закон (подп. 3 п. 1 ст. 1 и ст. 12) ; О предоставлении временного убежища на территории Российской Федерации : постановление Правительства РФ от 9 апреля 2001 г. № 274 (в ред. от 25.05.2017) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2001. № 16. Ст. 1603 ; О предоставлении временного убежища гражданам Украины на территории Российской Федерации в упрощенном порядке : постановление Правительства РФ от 22 июля 2014 г. № 690 (в ред. от 08.08.2017) // Там же. 2014. № 30 (ч. 2). Ст. 4326.

³ Понятие «вынужденный переселенец» и обстоятельства, по которым граждане Российской Федерации признаются вынужденными переселенцами, даны в Законе РФ от 19 февраля 1993 г. № 4530-1 (в ред. от 30.12.2015) «О вынужденных переселенцах» (Собр. законодательства Рос. Федерации. 1995. № 52. Ст. 5110).

⁴ Документ вступил в силу для России 1 февраля 1993 г. (Бюллетень международных договоров. 1993. № 9).

В истории современной России можно выделить несколько волн вынужденной миграции. Первая волна беженцев совпала с распадом СССР, это период начала 90-х гг. XX в., когда беженцами становились русскоязычные жители постсоветских республик, которые столкнулись с дискриминацией в трудовой, политической, экономической жизни, в системе образования. Переезжая в Россию, например из Средней Азии, и приобретая российское гражданство, такие лица получали не статус беженца, а статус вынужденного переселенца. Так получалось потому, что данные лица не рассматривались как «проблема внешнего происхождения». В переходный период дезинтеграции единого советского пространства появление подобной группы вынужденных мигрантов нельзя было считать внешней проблемой. Параллельно с этим Россия столкнулась со второй, специфической волной беженцев, которая носила сугубо внутренний характер. Эта волна была связана с конфликтами на Северном Кавказе. Население покидало этот беспокойный регион ввиду осетино-ингушского и чеченского конфликтов.

Государство не могло своевременно справиться с экстраординарными ситуациями, приводящими к нарушению режима правовой безопасности. Как результат – граждане вопреки своей воле покидали места постоянного жительства. Именно поэтому у государства возникла конституционная обязанность обеспечить таким гражданам условия для восстановления нарушенных прав. Они вправе были рассчитывать на применение к ним специальных мер защиты, в том числе дополнительных мер социального характера.

Нужно сделать одну оговорку. В связи с экономическими проблемами в государстве и снижением уровня социального обеспечения большинства граждан, вынужденные переселенцы не могли рассчитывать на какие-то повышенные пособия и меры, включая меры по трудоустройству. Поэтому основной мерой социальной поддержки выступало предоставление жилья по месту нового жительства или выплата денежной компенсации на его приобретение.

Поскольку в адрес вынужденных переселенцев из бюджета выделялись существенные денежные суммы, применение данной меры обставлялось разными процедурными условиями, что в ряде случаев порождало споры граждан и государства, к разрешению которых подключалась судебная власть. Один из примеров – решение Верховного Суда РФ от 7 февраля 2001 г. № ГКПИ00-1370⁵, которым было признано недействительным утвержденное Правительством правило о том, что для получения компенсации за утрату жилья, граждане, покинувшие Чеченскую Республику с 1994 по 1996 г., должны были именно в указанный период встать на учет в территориальном органе миграционной службы. Кто этого не сделал, хотя покинул данный регион в названный период, финансовой компенсации не получал. Таким образом, подобное дополнительное ограничительное условие поставило выплату компенсации лицам,

⁵ Бюллетень Верховного Суда РФ. 2001. № 9.

утратившим жилье и имущество в Чеченской Республике, в зависимости от своевременной постановки на учет в органах миграционной службы. Важно отметить, что признание данного правила недействительным и, следовательно, защита прав переселенцев – все это состоялось благодаря деятельности институтов гражданского общества, а именно по заявлению общественной благотворительной организации помощи беженцам и вынужденным переселенцам «Гражданское содействие»⁶.

Если для признания недействительным правительственного правового акта достаточно обращения в Верховный Суд РФ, то для дисквалификации федерального закона требуется вмешательство Конституционного Суда РФ. Закон «О вынужденных переселенцах» предусматривал правило, в силу которого гражданин лишался статуса вынужденного переселенца в случае, если он осуждался по приговору суда за совершение преступления, после чего он был обязан освободить жилое помещение, предоставленное ему из фонда жилья для временного поселения вынужденных переселенцев.

Обратившийся в Конституционный Суд РФ российский гражданин был осужден на год лишения свободы за хулиганство и автоматически утратил статус вынужденного переселенца и право на обеспечение жильем.

Конституционный Суд РФ в постановлении от 21 ноября 2002 г. № 15-П⁷ указал следующее: лишение гражданина статуса вынужденного переселенца в случае его осуждения за совершение преступления означает, что государство в одностороннем порядке отказывается от исполнения обусловленных этим статусом обязанностей по обустройству такого гражданина и содействию в восстановлении его прав и законных интересов. Тем самым гражданин утрачивает специальную государственную поддержку, права и гарантии, которые могут быть реализованы им в рамках статуса вынужденного переселенца. Лишение гражданина такого статуса по признаку наличия судимости не предусмотрено уголовным законодательством, оформляется решением органа миграционной службы. По сути, оно выступает в качестве дополнительной меры ответственности, которая применяется за сам факт осуждения лица за совершение преступления. Такая мера была признана неконституционной, что, как подчеркнул Конституционный Суд РФ, не исключает возможности для законодателя предусмотреть ситуации, когда статус вынужденного переселенца утрачивается, если пребывание в этом статусе несовместимо с характером совершенного деяния и назначенного наказания. На что, по сути, указал Конституционный Суд РФ? На недопустимость автоматического лишения статуса, на невозможность недифференцированного подхода к лишению этого статуса, т. е. на невозможность лишения за совершение любого уголовного преступления.

⁶ Информация об этой организации размещена на интернет-странице. URL: <http://refugee.ru/ob-organizatsii/> (дата обращения: 08.12.2017).

⁷ Рос. газета. 2002. 30 нояб.

Другой пример процедурных ограничений, установленных на пути оказания мер социальной защиты вынужденных переселенцев, связан с проблемой жилищного обустройства граждан, лишившихся жилья в результате осетино-ингушского конфликта в октябре-ноябре 1992 г. Правила, установленные Правительством РФ в 1998 г.⁸, предусматривали, что в процессе подготовки к рассмотрению заявления гражданина на получение государственной поддержки миграционная служба запрашивает при необходимости дополнительную информацию у соответствующих государственных органов, органов местного самоуправления и организаций. Это стало поводом для запроса в Конституционный Суд РФ представительного органа Республики Ингушетия (народного собрания), которое полагало, что такое правило является неясным и недостаточно определенным, поскольку не уточняет, какая именно дополнительная информация может быть запрошена. Следствием такой неопределенности, как полагал заявитель, является необоснованное расширение в сравнении с действующим законодательством перечня запрашиваемой информации, а это, в свою очередь, порождает практику многочисленных отказов в возвращении вынужденных переселенцев из Республики Северная Осетия в места прежнего проживания. Конституционный Суд РФ в определении от 6 июля 2010 г. № 1085-О⁹ отклонил данный запрос, посчитав, что оспоренная норма имеет организационно-управленческое содержание, она не определяет какие-либо права вынужденных переселенцев, не может рассматриваться как нарушающая конституционные права граждан. В чем ценность такого, казалось бы, отрицательного ответа Конституционного Суда РФ? Указав на сущность данной нормы, Конституционный Суд РФ дал ориентир судебной практике, говоря тем самым о том, что оспоренное положение не может выступать ограничителем прав переселенцев.

Обратимся к практике судебного нормоконтроля, связанной с беженцами-иностранцами. Речь идет не о массовых беженцах, не о миграционных волнах, как это было в случае с вынужденной внутренней миграцией, связанной с распадом Советского государства, и затем с возникновением внутрироссийских конфликтов. Речь идет об относительно ограниченных группах беженцев, например беженцах из Сирийской Арабской Республики и Афганистана (на 1 октября 2017 г. на учете состояло всего 593 беженца, из них 27 человек получили этот статус в 2017 г.)¹⁰. Получая статус беженца или претендуя на него, эти иностранные граждане, как правило, сталкивались с некоторыми трудностями получения социаль-

⁸ Об оказании государственной поддержки гражданам Российской Федерации, лишившимся жилья в результате осетино-ингушского конфликта в октябре-ноябре 1992 г.: постановление Правительства РФ от 6 марта 1998. № 274 (в ред. от 07.11.2008) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1998. № 11. Ст. 1289.

⁹ Вестник Конституционного Суда РФ. 2011. № 2.

¹⁰ Данные доклада Федеральной службы государственной статистики «Социально-экономическое положение России – 2017 г.». URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b17_01/IssWWW.exe/Stg/d10/4-0.doc (дата обращения: 11.12.2017).

ной защиты в сфере медицинской помощи и в сфере образования. Так, Верховный Суд РФ 28 февраля 2013 г. принял решение¹¹ по заявлению иностранных граждан, которые оспаривали нормативное правительственное положение, устанавливающее ограничения на выбор или замену страховой медицинской организации для лиц, которым, с одной стороны, было отказано в предоставлении временного убежища или которым было отказано в продлении срока предоставления временного убежища, но, с другой стороны, такие граждане оспорили в суде решения властей, а значит, их судьба еще не была решена окончательно. Верховный Суд РФ указал на то, что Федеральный закон «О беженцах» не определяет правовое положение лица, которому отказано в предоставлении временного убежища, а также лица, утратившего этот статус, в том числе не гарантирует этим лицам предоставление бесплатной медицинской и лекарственной помощи. Вместе с тем Верховный Суд РФ сделал важную оговорку о том, что *скорая медицинская помощь иностранным гражданам оказывается бесплатно и безотлагательно, а на платной основе оказывается лишь плановая медицинская помощь.*

Другой пример связан с правом на получение начального и среднего образования. И вновь упомянутая выше общественная организация «Гражданское содействие», представляя интересы иностранных граждан (в частности, гражданки Сирийской Арабской Республики), обратилась в Верховный Суд РФ с заявлением о признании недействующими правил Министерства образования в той части, в которой они предписывали предъявление родителями свидетельства о регистрации ребенка по месту жительства или по месту пребывания. Подобное требование препятствовало приему в школу детей, не имеющих такой регистрации. В решении от 27 августа 2015 г.¹² Верховный Суд РФ указал на то, что в силу федерального закона в приеме в государственную или муниципальную образовательную организацию по общему правилу может быть отказано только по причине отсутствия в ней свободных мест.

Что же касается документов о регистрации, то их предъявление носит дополнительный характер по отношению к личному заявлению родителя ребенка и не может являться основанием для отказа в приеме ребенка в образовательную организацию при наличии в ней свободных мест. Это важное замечание укрепило режим социальной защиты иностранных беженцев в сфере образования.

Приведенный пример затрагивает также косвенно тему семьи как фактора, играющего важную роль в правовом статусе беженца. В связи с этим примечательно решение Конституционного Суда РФ, в котором была проанализирована проблема «*семейных обстоятельств*» как обсто-

¹¹ Решение Верховного Суда РФ от 28 февраля 2013 г. № АКПИ13-30 (оставлено без изменения определением Верховного Суда РФ от 30.05.2013 № АПЛ13-204). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹² Решение Верховного Суда РФ от 27 августа 2015 г. № АКПИ15-694 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2016. № 6.

ятельств гуманитарного характера, препятствующих *быстрой* депортации иностранных граждан, которым было отказано в получении или продлении статуса беженца.

В определении от 30 сентября 2010 г. № 1317-О-П¹³ Конституционный Суд РФ ответил на доводы жалоб граждан Афганистана на нарушение их конституционных прав положениями Федерального закона «О беженцах», в силу которых временное убежище может быть предоставлено иностранному гражданину или лицу без гражданства, если они не имеют оснований для признания беженцем, но из гуманных побуждений не могут быть выдворены (депортированы) за пределы территории Российской Федерации. Заявители ссылались на то, что члены их семей законно проживают на территории Российской Федерации, в том числе некоторые из них имеют временное убежище на территории Российской Федерации или даже российское гражданство. По мнению заявителей, Федеральный закон «О беженцах» не конкретизирует понятие «гуманные побуждения» и тем самым позволяет правоприменительным органам не включать в число оснований для предоставления временного убежища наличие у иностранного гражданина членов семьи (супруги, детей), проживающих в Российской Федерации и являющихся гражданами Российской Федерации, что противоречит Конституции.

Ответ Конституционного Суда РФ получился в некоторой степени двойственным. Дело в том, что оспоренный федеральный закон правильно был конкретизирован в постановлении Правительства РФ от 9 апреля 2001 г.: временное убежище может быть предоставлено в случае существования гуманных причин, требующих *временного* пребывания лица на территории Российской Федерации (например, состояние здоровья), до устранения таких причин или изменения правового положения лица. Как отметил Конституционный Суд РФ, наличие членов семьи (супруга и детей), проживающих в Российской Федерации (в том числе являющихся гражданами Российской Федерации), не относится к обстоятельствам временного характера. Следовательно, данное обстоятельство не может рассматриваться как единственное и достаточное основание для предоставления временного убежища на территории Российской Федерации.

Вместе с тем Конституционный Суд РФ указал следующее. Нельзя не учитывать, что наличие у иностранного гражданина семьи в Российской Федерации налагает на него определенные обязательства. Одномоментное их прекращение способно негативно отразиться на членах семьи иностранного гражданина (среди которых российские граждане), которые могут нуждаться в личном уходе (в связи с болезнью, обучением и воспитанием), материальной поддержке, в погашении в их интересах финансовых и иных обязательств. Поскольку выдворение или депортация иностранного гражданина может привести к нарушению прав членов его семьи, уполномоченный орган исполнительной власти вправе рас-

Е. В. Тарибо. Судебный нормоконтроль на защите прав беженцев...

¹³ Определение Конституционного Суда РФ от 30 сентября 2010 г. № 1317-О-П// Вестник Конституционного Суда РФ. 2011. № 2.

смотреть вопрос о предоставлении такому лицу временного убежища на территории Российской Федерации. В таких случаях Федеральный закон «О беженцах» не может быть оценен как запрещающий рассматривать семейный статус иностранного гражданина или лица без гражданства в качестве обстоятельства, препятствующего его выдворению (депортации) по гуманным соображениям. В любом случае данный вопрос, как особо подчеркнул Конституционный Суд РФ, должен решаться с учетом всестороннего исследования фактических обстоятельств дела, чтобы, с одной стороны, обеспечить защиту конституционных прав указанных лиц и членов их семей, а с другой – исключить ситуации возможных злоупотреблений правом.

Однако вернемся к проблеме миграционных волн. В 2014 г. Российское государство столкнулось с массовым наплывом беженцев, на этот раз с территории Юго-Восточной Украины, где развернувшийся военный конфликт заставил часть граждан покинуть места своего проживания. На конец декабря 2014 г., по оценкам руководителя миграционной службы, таких лиц на территорию России прибыло 850 тыс. человек; по данным на октябрь 2017 г., 165 485 граждан Украины состояли на учете как лица, получившие временное убежище; 178 граждан – как беженцы; 182 гражданина – как вынужденные переселенцы¹⁴. Какие направления социальной помощи приобрели первостепенное значение для данной категории переселенцев? Если взять жилищный вопрос, то он ими, как правило, решается самостоятельно. Как показывают социологические исследования, которые проводились в 2015 г. – периода резкого скачка миграции граждан Украины в Россию, значительная часть украинских беженцев арендует жилье (61 %), каждый десятый живет у родственников (11,9 %), живут бесплатно у знакомых людей 9,3 %, в пунктах временного размещения (они предоставляются правительством) находилось лишь 7,3 %¹⁵. Итак, жилищная проблема не была самой острой. Гораздо большее беспокойство вызывали вопросы дошкольного образования. Если вопрос поступления детей украинских беженцев в российские школы был решен сразу, то в детских садах остро ощущалась нехватка свободных мест. Однако это проблема касается и местных российских жителей, детям которых также не хватает мест в детских садах.

Но главный вопрос украинских беженцев заключался в скорейшем оформлении их законного статуса на территории России для целей трудоустройства. Правительством РФ было принято постановление от 22 июля 2014 г. № 690 «О предоставлении временного убежища гражданам Украины на территории Российской Федерации в упрощенном порядке», в котором были установлены квоты для получения времен-

¹⁴ Данные доклада Федеральной службы государственной статистики «Социально-экономическое положение России – 2017 г.». URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b17_01/IssWWW.exe/Stg/d10/4-0.doc (дата обращения: 11.12.2017).

¹⁵ См.: *Антильев К. А.* Украинские беженцы в России : проблемы первичной адаптации (по материалам социологического исследования) // Миграционное право. 2015. № 2. С. 12–16.

ного убежища в российских регионах. Те лица, которые обращались за получением именно статуса беженца в его строгом юридическом, международно-правовом смысле, получали отказ. Например, Верховный Суд Башкортостана в решении от 21 мая 2015 г.¹⁶ показал ошибочность таких притязаний со ссылкой на то, что лица, вынужденные покинуть страну своего происхождения в результате внутренних вооруженных конфликтов обычно не рассматриваются как беженцы. Вместе с тем суд указал на возможность предоставления гражданам Украины *временного убежища* в упрощенном порядке. Большая часть воспользовалась такой возможностью, но не все (на период конца 2015 г. на учете получивших временное убежище состояло более 300 тысяч человек украинских граждан). Некоторая часть украинских граждан не обращалась за получением документа о временном убежище. Как показывают социологические опросы, такие граждане просто искали неофициальный путь трудоустройства. Тем самым они не применяли правовые способы защиты своих прав, предпочитая просто менять работу. К судебной защите, как показывает практика, такие граждане обращаются только при решении вопроса об их выдворении за пределы России, поскольку формально они становились правонарушителями. Нужно отметить, что российские суды, несмотря на формальное наличие состава правонарушения, не применяли такую санкцию, ссылаясь на решения, принятые в процессе осуществления судебного конституционного нормоконтроля по вопросам применения административной ответственности¹⁷. Показательный пример – постановление Владимирского областного суда от 16 июня 2017 г. по делу № 4а-161/2017¹⁸, в котором, несмотря на прямое буквальное требование закона, суд отменил назначенное украинскому гражданину наказание в виде административного выдворения за пределы Российской Федерации.

Проведенный анализ судебной практики показывает, что юридические споры возникают по поводу не всех, а наиболее значимых для беженцев мер социальной помощи. С какими-то проблемами они готовы мириться, некоторые трудности они не рассматривают как проблемы, а какие-то социальные меры вообще не порождают проблем. Судебная власть довольно активно участвует в решении названных конфликтов и в целом оказывает существенное влияние на процесс защиты социальных прав беженцев. На этом направлении защиты значительна роль судебного нормоконтроля, осуществляемого Верховным Судом РФ в порядке административного судопроизводства. Весьма серьезную роль в данной сфере играет и конституционное правосудие, причем не только решения Конституционного Суда РФ по миграционным вопросам, но и решения, которые используются судами общей юрисдикции в качестве опоры для

¹⁶ Апелляционное определение Верховного суда Республики Башкортостан от 21 мая 2015 г. по делу № 33-7102/2015. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹⁷ Постановление Конституционного Суда РФ от 14 февраля 2013 г. № 4-П // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2013. № 8. Ст. 868.

¹⁸ Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

преодоления излишне жестких законодательных предписаний и санкций административного характера. Решения, принятые в рамках осуществления судебного конституционного нормоконтроля используются другими судами для формирования эффективной правозащитной судебной практики, т. е. практики, защищающей права тех иностранных и российских граждан, которые в разное время и по разным обстоятельствам стали вынужденными мигрантами.

Северо-Западный институт управления РАНХиГС при Президенте РФ (г. Санкт-Петербург)

Тарибо Е. В., кандидат юридических наук, доцент кафедры административного и конституционного права, начальник Управления конституционных основ публичного права Конституционного Суда РФ

E-mail: ksrf@ksrf.ru

North-West Institute of Management, Branch of RANEPА (St. Petersburg)

Taribo E. V., Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Administrative and Constitutional Law Department, Head of the Division of Constitutional Foundations of Public Law of the Constitutional Court of the Russian Federation

E-mail: ksrf@ksrf.ru